

Андрей
ЖИТИНКИН:

ОДНАЖДЫ, Я УГНАЛ «БОИНГ»

Всё кино — 2001 — 23 февр. — 1 марта — с. 7

был каждый вечер — битком! Актеры Бронной — это генетический код Эфроса. Они другие, в отличие от актеров Захарова или Табакова.

— Какие планируются постановки?

— Моя ставка — на высокую литературу — или неизвестную, или забытую. Буду ставить «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда и пьесу австрийского философа и драматурга Франка Ви де Кинда «Лулу», которая пойдет в России впервые. Это авантюрная история знаменитой куртизанки. В ней двадцать ролей, вся труппа будет работать. В конце декабря выйдет к юбилею Дурова «Метеор», и, наконец, держитесь, не падайте — это один из моих любимых романов Льва Николаевича — «Анна Каренина».

— Кто будет занят в «Карениной»?

— Продолжу сотрудничество с Сашей Домогоаровым.

— Он будет играть Вронского?

— Не скажу!

— После того, как вас терзали худсоветы и критики, чувствуете ли вы себя победителем?

— Это момент творческого реванша... Когда-то мы с Домогоаровым доказывали дирекции Театра Моссовета, что «Нижинский...» — нужная и яркая постановка. Нам говорили, что это элитарный спектакль и никто на него ходить не будет. Но на премьеру «Нижинского» пришлось вызывать милицию: зрители снесли входную дверь. Став главным режиссером Бронной, я, если говорить объективно, теряю в деньгах и в мобильности. Зато обретаю дом, репертуарную свободу, своих актеров, свой театр.

— Почему первоначально вы выбрали именно профессию актера?

— Я больше любил воображаемую жизнь, нежели настоящую. Родители часто ездили в командировки и научили меня читать в три года, чтобы мне не было скучно. «Милый друг» Мопассана я прочел в семь лет. Самое любимое занятие было — проиграть в лицах все, что прочитал.

— Если так хотели играть, то почему тогда ушли в режиссуру?

— А глаза у меня доброжелательные... Однокурсники показывали свои этюды, я подкаказывал какие-то штрихи, и вдруг ощутил кайф: сижу по другую сторону рампы, говорю одно слово — и человек лучше играет. В этом есть какой-то наркотик. Сейчас я моделирую спектакли даже во сне.

— Вы собираетесь снимать кино по собственному сценарию?

— Все должно решиться этой осенью. Мой проект заинтересовал западных продюсеров. Фильм будет называться «Санитар вскрывающий». Это некоммерческое кино, может быть, даже не для проката —

фестивальный фильм. Я для себя придуманную мною историю называю «Привет от Кубрика!» Стенли Кубрик, совершенно недооцененный режиссер, — это целое направление в кинематографе.

— Ваши яркие воспоминания из детства?

— Встреча с Андреем Тарковским. Он во Владимире снимал фильм о Рублеве. Мне было любопытно, и я целые дни проводил на съемочной площадке. Меня потрясла эта картинка: нашествие татар, сотни лошадей, огромная массовка, и вдруг все застывает в секунду по команде режиссера. Для меня он был как бог, спускающийся на крыльце, словно с небес. Он без конца крутил ус, чем-то был недоволен. Это был человек не от мира сего. Меня поразило даже сходство наших имен. А сейчас, размышляя о профессии режиссера, я могу сказать, что главное в ней — то, что режиссер близок к творцу (пусть не с большой буквы), что он конструирует собственный мир и населяет его собственными существами.

— Приходилось ли вам в жизни попадать в какие либо невероятные ситуации?

— Однажды я угнал самолет! В ту пору я был наглый, молодой и очень ответственный. Учась на режиссерском факультете, я вывозил младший актерский курс с концертами, где демонстрировался сценический бой, пелись песни и так далее. Было это в 1983 году, в городе Кизим. Нас ждали в другом месте, а вылететь мы не могли. Я был в полном отчаянии, а тут на спортивном самолете совершал частный рейс американец. Я и взял его за шкуру, не разобравшись, что он не советский. Стал его трясти, объяснять, что мне нужно. Он понял только то, что я хочу угнать его самолет — такой доморощенный террорист. Приехала милиция, все разъяснилось. Я предложил ему оплатить горючее, и он согласился. Когда я отчитывался в московской филармонии, написал, что купил «Боинг». Человек, принимавший документы, стал набирать 03, чтобы сдать меня по назначению.

— Это веселая история. А ужасик?

— Я испытал шок, когда мы играли в БДТ спектакль «Милый друг», и я вынужден был сам остановить его. Саша Домогоаров, снимаясь в «Графине Монсоро», получил травму ноги и пожаловался на боль перед спектаклем. Врачи уговорили Сашу сделать укол анальгина и вкололи ему пять кубиков! Боль прошла, но можете себе представить, что было потом с его сосудами! Отыграли половину первого действия. Я сижу в ложе и не могу понять: уже третья минута, как Саша должен выйти на сцену, а его нет. Бегу за кулисы и вижу совершенно белого Домогоарова без сознания. Я

подумал — инфаркт! Вызвав «скорую», выхожу на сцену и обращаюсь к зрителям: «Мы вынуждены остановить спектакль. Одному из наших актеров стало плохо. Объявляем антракт — он будет длинным, 50 минут». Никто не ушел, и аншлаги были у буфетчицы. Всё задержалось больше, чем на час. Саша пришел в себя, хотел выйти на сцену, но все, начиная с Тереховой и Стеклова, сказали, что никакой аншлаги не стоит здоровья. Я опять вышел к зрителям: «Мы можем продолжить спектакль, Домогоарову стало лучше, но это все-таки Мопассан, брызги шампанского, легкий жанр. Актер будет играть, но превозмогая чудовищную боль. Вы хотите смотреть такой спектакль?» Все закричали: «Нет!» Мы перенесли спектакль на утро выходного дня. Перед началом Домогоаров стали передавать цветы, конфеты. А одна бабушка очень громко, на весь зал, спросила: «Скажите, господин режиссер, вы начнете играть с самого начала или с того места, где остановились?» Мы отыграли с начала. Таких оваций, как в то утро, в моей жизни больше не было.

— Как вы проводите свободное время?

— Для меня это бегство в одиночество. По определению, все режиссеры одинокие волки. Нужно побыть с самим собой и разобраться во внутренних ощущениях. Меня спасает музыка. Я люблю Перселла, Бриттена и джаз. Раньше был период, когда любил Моцарта. Я ведь сам оформляю свои спектакли, сам подбираю к ним музыку. У меня есть все необходимые книги, поэтому я не состою ни в какой библиотеке. Люблю приезжать на дачу к друзьям, но сам не хочу иметь ни дачу, ни машину, природа меня не трогает, какие-то технические вещи тоже. Спорт совсем не волнует. Я — интеллектуальный сибарит. Обломов, который валялся на диване и мечтал, тоньше по душевной своей организации, нежели Штольц. Мое любимое занятие — мечтать!

— Чего бы вы хотели себе пожелать?

— Здоровья и новых ощущений, потому что «я сам себя должен удивлять». Это известная формула Алексея Дикого, который начинал репетицию со слов: «Ну, чем удивлять будем?» Эту фразу любит говорить Марк Захаров, который тоже в сорок лет взял «Ленком». И мне безумно нравится это совпадение! Я хочу, чтобы на Бронной был такой же успех, как у Марка Захарова. Не хочу изменять самому себе. Когда одни критики меня возносили, а другие размазывали по стенке, то начиналась полемика, и это замечательно. Страшно, когда вообще не о чем говорить.

Встречалась
Элина БОГАЛЕЙША

Фото Михаила ГУТЕРМАНА

Сорокалетний Андрей Альбертович Житинкин стал самым молодым главным режиссером в Москве. Родился он во Владимире в семье ученых-химиков. Окончил с отличием Щукинское училище. Славится аншлаговыми спектаклями «Мой бедный Марат», «Милый друг», «Он пришел», «Венецианский купец», «Черная невеста» — это в Театре Моссовета; «Старый квартал», «Псих», «Признания авантюриста Феликса Круля» — в «Табакерке».

— К дням рождения отношусь мистически, никогда их не отмечаю, а вот к возрасту — совершенно спокойно. В сорок лет я сам себе сказал, что надо что-то поменять, и слава Богу, это совпало с приглашением в Театр на Малой Бронной.

— Кроме вас были еще кандидатуры?

— Они хотели именно меня. Ко мне присматривались два года. Причиной стал спектакль «Нижинский сумасшедший божий клоун» с Сашей Домогоаровым в главной роли. Это был единственный аншлаговый спектакль на Бронной и единственный, с которым ездили на гастроли. Мы триумфально отыграли в Питере в огромном дворце Горького, в зале на две с половиной тысячи мест; в Польше, когда поляки

скандировали стоя. В следующем месяце у нас гастроли в Прибалтике, а в конце сезона — Израиль.

Бронная — один из интеллигентнейших театров Москвы. Меня обезоружили тем, что на коллегии проголосовали единогласно, не оставив мне возможности взять тайм-аут, подумать. Я был потрясен доверием актеров и сразу согласился. В этом театре очень сильная команда. В «Нижинском...» играют актеры Эфроса, те, которые были заняты в его последних спектаклях.

— Как отреагировала труппа Моссовета на ваше назначение?

— Болезненно. Я благодарен им безумно за десять лет совместной работы. Мало кто из режиссеров, даже самых известных, работал с

такой компанией звезд, как Жженов, Терехова, Дробышева, Талызина.

— Каким бы вы хотели видеть Театр на Бронной?

— Я попросил директора Илью Ароновича Когана заказать уже сейчас табличку из камня, где было бы выбито крупными буквами: «Все билеты проданы!» Сейчас надо вернуть зрителя в этот театр. В свое время попасть на Бронную было невозможно. Эфрос создал культовый театр, избрав для себя путь внутренней эмиграции. Он никогда с властями не ссорился, никогда не ставил столь откровенных спектаклей, как модный тогда Любимов в Театре на Таганке. Эфрос делал не меньше, беря классику и находя в ней болезненные точки сегодняшнего дня. Я хочу вернуть ту атмосферу, чтобы театр